

ношения и проясняющей их смысл. Вероятно, можно говорить об определённой закономерности поэтики Достоевского, проявившейся в этих его произведениях.

В то же время заметим, что благодаря связующим мотивам эти стихотворения не только можно рассматривать как единое целое, но и говорить о «наращении смысла» этого единства. Связующие мотивы и лейтмотивы рассмотренных произведений, усиливая друг друга, в своём единстве выражают «русскую идею», как идею национальную (28, 208).

Итак, рассмотренные стихотворения можно характеризовать как неавторский лирический цикл (2 : 11–37]. Они имеют близкие лейтмотивы, общие принципы сюжетосложения. И именно такой подход к этим стихотворениям даёт возможность увидеть некоторые особенности поэтики их автора, которые, возможно, проявляются и в более поздних его произведениях.

Библиографический список

1. *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 2. Л., 1972. С. 403. В тексте ссылка на это издание предполагает указание тома и страницы.
2. *Фигурт Р.* Лирический цикл как предмет исторического сравнительного изучения. Проблемы теории. // Европейский лирический цикл. Историческое и сравнительное изучение. Материалы международной научной конференции. Москва – Перedelкино, 15 – 17 ноября 2001 г. М., 2003. С. 11–37.

Е. Н. Белякова

*Костромской государственной
университет им. Н. А. Некрасова*

МОТИВ ОТЦОВСТВА В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БЕДНЫЕ ЛЮДИ»

Учение утопических социалистов, чьи умозаключения, как известно, нашли отражение в первом романе Ф. М. Достоевского, в основе своей имеет утверждение, что все люди должны смотреть на себя как на детей одного отца. Художественное воплощение этой идеи в произведении «Бедные люди» В. Е. Ветловская усматривает в неслучайном совпадении отчества героя и отчества героини (Алексеевич и Алексеевна), придя к заключению, что «общим отцом этих бедных людей может быть только один – отец небесный» (2 : 56). Это наблюдение является едва ли не единственным упоминанием о теме, ставшей одной из ведущих в романе, – теме отцовства.

В небольшое по объёму повествование Достоевского включены истории разорения отца Вареньки Добросёловой, сложных взаимоотношений отца и сына Покровских, горькой участи отца семейства Горшкова. Даже в пространных рассуждениях Макара Девушкина о социальной несправедливости противопоставляются не обобщённые типы бедняка-богача, а типы отца бедного семейства и отца семейства обеспеченного.

Само присутствие в весьма ограниченном пространстве романа такого количества «героев-отцов», обозначенных автором с различной степенью отчётливости, уже даёт повод для обозначения темы отцовства как значимой и устойчивой. Обретя явное звучание в начале романа (с истории жизни Вареньки, рассказанной ею самой), эта тема дополняется новыми оттенками и мотивами и усиливается по мере развития сюжета.

Горькая судьба главной героини обусловлена прежде всего её сиротским положением. Разорение и внезапная смерть отца стали роковыми событиями в жизни Вареньки и определили её будущность: «Заботы, огорчения, неудачи измучили бедного батюшку до крайности: он стал недоверчив, желчен; часто был близок к отчаянию, начал пренебрегать своим здоровьем, простудился и вдруг заболел, страдал недолго и скончался так внезапно, так скоропостижно, что мы все были вне себя от удара. <...> Мы остались без крова, без пристанища, без пропитания». Достоевский явно подчёркивает то обстоятельство, что сама смерть отца Вари есть последнее отступление, отчаянное признание собственного бессилия, вследствие которого герой и «начал пренебрегать своим здоровьем». В мире бедных людей счастливая роль отца семейства оказывается неподъёмной ношей, ломающей и уничтожающей человека, а семейство, оставленное отцом, обречено на разорение.

Вслед за этой историей автор романа помещает совсем иного характера рассказ об отце и сыне Покровских. Старшего Покровского Варя характеризует как «самого жалкого человека». Это «старичок, запачканный, дурно одетый, маленький, седенький, мешковатый, неловкий». «Он как будто чего-то стыдится, как будто ему себя совестно. Оттого он всё как-то ёжился, как-то кривлялся». «Он когда-то где-то служил, был без малейших способностей и занимал самое последнее, самое незначительное место на службе». Битый женой, спившийся человек имеет только одну сильную привязанность в жизни: «единственным признаком человеческих благородных чувств была в нём любовь к сыну», кровное родство с которым казалось весьма сомнительным. И само существование другого «отца», помещика Быкова, опекающего молодого Покровского материально, не упраздняет, а скорее усиливает звучание отцовского мотива, с его щемяще пронзительной интонацией, в обрисовке характера «самого жалкого человека».

Столь сильная отцовская привязанность Покровского к сыну, кажется, не имеет никаких оснований и существует вопреки всему как единственная абсолютная для героя ценность. «Молодой Покровский терпеть не мог отцовских посещений. Из всех его недостатков, бесспорно, первым и важнейшим было неуважение к отцу», – сокрушённо замечает Варя. Но та тихая настойчивость, с которой отец присутствовал рядом, давала плоды: «Сын понемногу отучал старика от пороков, от любопытства и от поминутного болтания и наконец довёл до того, что тот слушал его, как оракула, и рта не смел разинуть без его позволения». «Но когда сын примет, бывало, отца хорошо, то старик себя не слышит от радости». «И всё, бывало, толкует с нами о Петеньке. <...> Говорил, что Петенька добрый сын, примерный сын и вдобавок учёный сын».

Потребность в отцовстве, которое позволяет удержаться «от дурных наклонностей» и «принимать вид собственного достоинства», испытывая столь непри-

вычное чувство гордости и причастности к чему-то более значимому, чем он сам, является для героя последней попыткой приобщения к миру глубоких человеческих переживаний.

Две горькие отцовские судьбы, включённые Достоевским в тетрадь Вариных воспоминаний, стали своеобразной прелюдией к драме, разыгрывающейся на глазах у читателя. На фоне этих историй, продолжая и развивая уже отчётливо звучащую тему отцовства, ведётся автором неторопливое повествование об отношениях сорокасемилетнего Макара Девушкина и молоденькой Вареньки Добросёловой.

Лишь с большой долей условности эти отношения можно определить как «братские». Та забота, которой старается окружить Макар Девушкин героиню романа, сродни отцовской заботе. «Отеческая приязнь одушевляла меня, единственно чистая отеческая приязнь», – признаётся он с первых страниц романа. «Родная моя», «ангельчик мой», «душечка», «деточка вы моя, хорошенькая», «птенчик вы мой слабенький, неоперившийся», «жизнёночек вы мой», «дочечка вы моя» – вот лишь неполный перечень обращений героя к Вареньке, нежно и трепетно опекаемой им. Посылая ей то «винограду немного», то «фунтик конфет», Макар Алексеевич оказывается трогательно предупредительным в новой для него родительской роли. «Только леденец-то вы не грызите, а так пососите его только, а то зубки разболются», – в упоении щебечет он.

«Суррогатное» чувство отцовства, испытываемое главным героем, становится ведущим мотивом романа. Лишённый семьи и кровной отеческой привязанности, он тоскует по миру тёплых родственных отношений. В мире бедных людей они оказываются непозволительной роскошью.

В качестве подтверждения и развития этой мысли, прозвучавшей ещё в начале романа, в истории разорения семьи Вари, Достоевский вводит в повествование дополнительный мотив – историю семейства Горшкова. Судьба Горшкова – это возможная вариация судьбы Макара Девушкина, обременённого женой и детьми. Непосильное бремя семьи, кажется, убило в старшем Горшкове самую способность человеческого переживания, заставив бедного Макара Алексеевича ужаснуться ещё более тягостной судьбе, чем его собственная. «Умер у Горшкова маленький. Бедно-то у них! И какой беспорядок! – сокрушённо замечает Девушкин. – Отец сидит в старом, засаленном фраке, на изломанном стуле. Слезы текут у него, да, может быть, и не от горести, а так, по привычке, глаза гноятся».

Здесь, кажется, и человеческое бытие, и человеческие чувства уже невозможны. И живой отец не спасение от разорения и нищеты. Всё разорено. И смерть Петеньки (заметим, тёзки сына Покровского) не крайняя беда, способная всколыхнуть оскудевшие чувства. Такая судьба миновала Макара Девушкина, сохранив в нём способность к глубокому переживанию и, главное, потребность в этом переживании.

У героя есть свой утраченный рай, по которому он тоскует: «Тихо жили мы, Варенька; я, да хозяйка моя, старушка, покойница <...> Внучка у ней Маша была – ребёнком ещё помню её – лет тринадцать теперь будет девочка. Такая шалунья была, весёленькая, всё нас смешила; вот мы втроём так и жили, <...> хорошо было нам жить, Варенька».

Нерастраченное чувство любви у Девушкина по природе своей чувство отеческое. Иного рода любовь, знакомая ему по молодости, когда герой полтора месяца «волочился» за «актрисочкой» Глашей, «замотался совсем, задолжал, а потом уж и разлюбил её: наскучило!», вспоминается ему как чувство преходящее, поверхностное, суетное. Иного рода его привязанность к Вареньке, вполне осознанная Макаром Алексеевичем после прочтения пушкинского «Станционного смотрителя».

Размышляя об особенностях поэтики Достоевского, М. М. Бахтин отмечал, что автору «Бедных людей» «важно не то, чем его герой является в мире, а прежде всего то, чем является для героя мир и чем является он сам для себя самого» (1 : 54). Не оспаривая тот факт, что именно пушкинское слово заставило героя «ответно и свободно» раскрыть себя, исследователи в большей степени склонны видеть в Макаре Алексеевиче приемника гоголевского, а не пушкинского героя.

Как правило, литературоведы исходят из того, что по всем внешним и формальным признакам образ Макара Девушкина является прямым продолжением образа Акакия Акакиевича с той лишь разницей, что представлен он не с точки зрения стороннего наблюдателя, а как бы «изнутри». «Девушкин видит в зеркале то, что изображал Гоголь, описывая наружность и вицмундир Акакия Акакиевича, но что сам Акакий Акакиевич не видел и не замечал», – пишет М. М. Бахтин (1 : 56).

Однако нельзя игнорировать, что самосознание героя Достоевского не идентично самосознанию Акакия Акакиевича. Согласно М. М. Бахтину, «в человеке всегда есть что-то, что только сам он может открыть в свободном акте самосознания» (1 : 68). Сам Девушкин открывает в себе не Акакия Акакиевича, а Самсона Вырина, пережившего отцовскую драму. Именно тема отца, потерявшего дочь, глубоко затронула сердце героя Достоевского, поскольку высветила его собственную драму, смутно ощущаемую в душе: «Ведь я то же самое чувствую, вот совершенно так, как в книжке <...> Меня чуть слеза не прошибла, когда я прочёл, что он (Самсон Вырин. – Е. Б.) спился, грешный, да плачет жалостно, грязною полою глаза утирая, когда вспомнит о заблудшей овечке своей, об дочке Дуняше! <...> Дело-то оно общее, маточка, и над вами, и надо мной может случиться. Вот оно что, маточка, а вы ещё тут от нас отходить хотите; да ведь грех, Варенька, может застигнуть меня».

Пушкинская повесть в сюжетно-композиционной структуре романа выполняет ту же функцию, что и лубочные картинки, иллюстрирующие притчу о блудном сыне, в тексте «Станционного смотрителя», а именно: прогнозирует дальнейшее развитие сюжета. И действительно, герой Достоевского в некотором смысле повторяет путь пушкинского героя. Узнав о неблагоприятном поступке по отношению к Варе со стороны некоего офицера, он, подобно Вырину, вторгшемуся в дом Минина, идёт к оскорбителю с требованием оставить в покое его «дочечку». А затем, всё более предчувствуя неизбежность ухода Вареньки и собственную неспособность защитить её, медленно спивается, впадая в тот самый грех, о котором предупреждал в письмах. Заметим, что в тексте романа несколько раз подчёркивается, что недуг этот не был замечен за героем ранее.

Увидев в судьбе пушкинского героя не только своё настоящее, но и будущее, Девушкин не оставляет нам возможности усомниться в истинности происшедшего «узнавания», основанного на отождествлении своих чувств по отношению к

Вареньке с отцовскими чувствами Самсона Вырина. Нам вообще кажется особенно значимым тот факт, что автор «Станционного смотрителя», введя в русскую литературу образ маленького человека, закрепил за ним статус отца.

Сюжет, подсказанный Пушкину Дельвигом, в основе своей имел историю несчастной любви покинутого мужа, обречённого в одиночестве воспитывать ребёнка. Пушкин же лишает свой сюжет привычной любовной интриги, сконцентрировав всё внимание на отцовской роли и отцовских чувствах героя. Его герой – герой бытийный, и в современном литературоведении всё отчётливее звучит мысль о том, что образ Самсона Вырина восходит к архетипическому образу Отца из евангельской притчи. Но к тому же архетипу восходит и образ Макара Девушкина, предупредительно заклинаящего Варю остережиться от поспешного, необдуманного шага: «И себя, и меня сгубить можете, родная моя. Ах, ясочка вы моя, выкиньте, ради бога, из головки своей все эти вольные мысли и не терзайте меня напрасно <...> прочтите-ка книжку ещё раз со вниманием, советам моим послушайте, и послушанием своим меня, старика, осчастливьте. Тогда сам господь наградит вас, моя родная, непременно наградит».

Испытывая и реализуя отцовские чувства, герой получает право занять значимое место в общечеловеческой иерархии. Отеческое звание для маленького человека есть спасение от ощущения собственной ничтожности, поскольку в бытийном плане роль отца даёт ему ту высоту положения, которая компенсирует его социальную униженность. «Я никогда моих дней не проводил в такой радости. Ну точно домком и семейством меня благословил господь», – признаётся Девушкин. «И я обрёл душевный покой и узнал, что я не хуже других, что всё-таки я человек, что сердцем и мыслями я человек». Думается, что и его покровительство Вареньке, и потребность быть её благодетелем нельзя расценивать только как потребность в социальном самоутверждении. Герой испытывает более глубокое, не до конца осознаваемое им чувство, которое можно определить как потребность в бытийном, а не только в бытовом существовании.

Потому он так бунтует против «Шинели», считая её оскорбительной для себя, что Гоголь в своей повести отказал маленькому человеку в принадлежности к миру бытийному, сузив его пространство до пределов мира бытового. «Что тут у него особенного, что у него хорошего? – возмущается Девушкин. – Так, пустой пример из вседневного подлого быта». Гоголевский герой в принципе непредставим в роли отца. В его проникающих словах: «Оставьте меня, зачем вы меня обижаете?» звенят другие слова: «Я брат твой!». В проникающих словах Макара Девушкина «Я вас, как свет господень, любил, как дочку родную любил, я всё в вас любил <...> и сам для вас только и жил одних» прочитывается иное признание: «Я отец твой». Но отсутствие кровного родства с Варенькой делает его положение двусмысленным, и герой Достоевского в глазах общества рискует попасть в галерею «псевдоотцов», преследующих неблагоприятные цели.

Тема отцовства поворачивается в романе Достоевского обратной стороной, обозначившись как тема мнимого отцовства. Свято место пусто не бывает. Там, где нет отца истинного, появляется отец мнимый. Этот тип представлен в романе образом помещика Быкова и образом стареющего соблазнителя (дяди того самого офицера), объявившего, что он питает к Варе «отеческие чувства и готов взять

под свою защиту». Ложность и оскорбительность для Вареньки подобной ситуации находит своё разрешение в реакции героини: «Я из себя вышла, я застыдила его совсем». Именно реакция Вареньки, её глубинное понимание истинных намерений «покровителей», становится в романе своего рода индикатором, не допускающим отождествления Макара Девушкина с иными «благодетелями». Как признание его права на отцовскую роль звучит искренний призыв к нему оскорблённой героини: «Молю вас о помощи. Не оставьте меня, ради бога, <...> на вас одного надежда моя».

Однако людской суд заявляет свою «заочную правду» о подозрительных мнимородственных отношениях героев. «Какую они насмешку подняли! <...> Теперь меня все Лавеласом зовут <...> Жить, Варенька, совестно», – сетует Макар Девушкин.

Отгоргнувший и осмеянный миром сторонних наблюдателей, тех самых «братьев», на любовь которых уповали утопические социалисты, Девушкин неожиданно для себя становится объектом отеческого внимания со стороны «его превосходительства». «Этим они меня самому себе возвратили, – признаётся герой. – <...> Только душу ломит, и слышно там, в глубине, душа моя дрожит, трепещет, шевелится». Так затрепетала когда-то его душа после встречи с Варенькой, «дочечкой родной», к которой теперь он обращается с наказом: «вас и Федору прошу, и если бы дети у меня были, то и им бы повелел, чтобы <...> за родного отца не молились бы, а за его превосходительство каждодневно и вечно бы молились».

Подобная реакция героя на простой и даже поверхностный акт человеческого сострадания со стороны старшего по чину получила больше всех нареканий критиков в адрес безнадежно забитого маленького человека. И до сих пор недооценённой остаётся сакральная значимость этого события для Макара Девушкина. Если Варя дала возможность герою испытать отцовские чувства и в какой-то мере утвердиться в отцовской роли, то его превосходительство, воплотив в себе черты отца-заступника (известно, что он взял сироту на воспитание и многим несчастным покровительствует), всколыхнул в Девушкине детское чувство преданности и благодарности за любовь. «Буду вести себя хорошо, – самозабвенно обещает он Варе, – из одного уважения к его превосходительству буду вести себя хорошо и отчётливо».

Этот акт отеческого сострадания со стороны его превосходительства включил героя в чаемую им систему отношений, где доминирует не братская, а отеческая любовь, где все люди, изначально не равные друг другу, объединены детско-отеческой привязанностью. Ведь именно такого рода иерархия подсознательно воспринималась русским человеком как идеальная модель мироустройства, где и крепостник – отец для крепостного, и государь – отец для народа. Интересен тот факт, что, только оказавшись включённым в эту родственную иерархию, Девушкин признаёт за собой право обратиться к Отцу небесному. Если ранее он «помнил», что ему «недостойно с Господом Богом уговариваться», то теперь признаётся Вареньке: «Я со слезами на глазах вчера каялся перед Господом Богом, чтобы простил мне господь все грехи мои и это грустное время: ропот, либеральные мысли, дебош и азарт. Об вас вспоминал с умилением в молитве».

Достоевский в своём романе изображает героя, который искренне хочет быть включённым в систему детско-отцовских отношений и в семейном (как заботли-

вый отец), и в социальном (как замеченный и принятый сильными мира сего), и в космическом (как сын Божий) планах. Но именно эта система оказывается безвозвратно нарушенной. Мир всё более обретает черты хаотичного, больного организма, в котором «отцы» не способны или не хотят нести ответственность за детей, а «дети» заражены «первым и наиважнейшим недостатком» – неуважением к отцам. Девушкин тоскует по мировому порядку, по высшему мировому этикету, и на мгновение оказывается приобщённым к этому идеалу. Но и ответная «дочерняя» привязанность Вареньки в силу своей «формальной незаконности» мимолётна, и сострадательный порыв «его превосходительства» – явление скорее исключительное, чем типичное, и внезапное молитвенное настроение героя – лишь порывистая реакция Девушкина на уникальность пережитого события: ни воли Божьей, ни промысла Божьего герой не ощущает.

Библиографический список

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. Изд. 4-е. М., 1979.
2. Ветловская В. Е. Роман Ф. М. Достоевского «Бедные люди». Л., 1988.

Л. Н. Смирнова

Костромской государственной
университет им. Н. А. Некрасова

БОГОРОДИЧНЫЕ МОТИВЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ РОМАНА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»

Размышляя о творчестве Ф. М. Достоевского, Н. Бердяев отметил особое качество художественного подхода писателя: «Реальна у него духовная глубина человека, реальна судьба человеческого духа. Реально отношение человека и Бога, человека и дьявола <...> иной мир всегда вторгается в отношения людей этого мира» (1). Вечное, бытийное пространство и нравственно-этическое содержание романа «Братья Карамазовы» оформляется не только посредством обращения к христианским идеям и «сияющему образу Христа», но также рядом мотивов, усиливающих идейно-художественную доминанту произведения.

Впервые упоминания о Богородице появляются в связи с историей матери Алеши. Набожная женщина «молилась уж очень, особенно *богородичные* праздники наблюдала», – рассказывает о своей покойной жене Федор Павлович. Аскетической религиозности и экзальтации своей супруги он противопоставляет карамазовский безудерж: «Видишь, говорю, видишь, вот твой образ, вот он, вот я его сниму. Смотри же, ты его за чудотворный считаешь, а я вот сейчас на него при тебе плюну, мне ничего за это не будет!» Открытое святотатство изнутри подрывает силы «кликуши»: она вдруг «вся затряслась и пала на пол» (2 : 156). Такую же тонкую душевную организацию и отвращение к мерзости унаследовал Алексей: как и когда-то его мать, «он всплеснул руками, потом закрыл ими лицо, упал как подкошенный на стул и так и затрясся вдруг от истерического припадка